

В. А. Латышева

О населении херсонесской хоры в Северо-Западном Крыму (по материалам поселения Маслины)

Крым на протяжении всей своей истории был зоной повышенной притягательности для самых различных племен и народов. На крымской земле пересеклись судьбы многих этносов, здесь сталкивались и активно взаимодействовали, смешиваясь и переплавляясь, многие языки и культуры. Пестрота этнической карты Крыма предопределяет сложность как самих процессов этногенеза, протекавших на крымской земле, так и путей их исследования. Применительно к античной эпохе положение осложняется состоянием источниковой базы. Свидетельства античных авторов, для которых Крым всегда оставался далекой периферией, ограничены и фрагментарны, и это побуждает исследователей при попытке представить этническую картину в том или ином районе Крыма всякий раз обращаться к археологическому материалу. Сказанное в полной мере относится к территории Северо-Западного Крыма.

Как показали археологические исследования в этом районе, историческая ситуация здесь, начиная с середины IV в. до н. э., определялась территориальной экспансией Херсонеса, в результате чего в прибрежной полосе возникает длинная цепь земледельческих поселений, составивших хору Херсонеса [1, с. 167-169, 172-174]. Эту цепочку на севере замыкало поселение Маслины, в течение многих лет (1972-1986) исследовавшееся археологической экспедицией Харьковского университета [2, с. 100-106; 3, 252-254]. Его материалы легли в основу данного сообщения, задача которого состоит в том, чтобы проанализировать добытый в ходе раскопок материал с точки зрения его этнической информативности, степени отражения в нем этнических компонентов в составе населения на северной окраине херсонесской хоры.

Поскольку происхождение поселения Маслины связано с колонизационной деятельностью Херсонеса, постольку население его составляли главным образом выходцы из Херсонеса, их потомки, то есть греки в своей основе. Об этом убедительно свидетельствует весь облик материальной культуры поселения. Принципы планировки и строительной техники, прослеженные в ходе раскопок, находят наиболее близкие аналогии среди сельскохозяйственных усадеб на Гераклейском полуострове и в Северо-Западном Крыму [4, с. 7-10, 27; 5, с. 29-30; 6, с. 88 и сл.]. Массовый керамический материал, найденный на Маслинах, до 70% представляет собой продукцию херсонесских мастерских [7, с. 70-72]. Греческий облик материальной культуры поселения дополняется большими сериями чернолаковой посуды, находками монет херсонесской чеканки, терракоты танагрского типа — обязательной принадлежности античного быта [8, с. 134, 136, 139, табл. 5].

При всех этих качествах, несомненно присущих греческому населению, в керамическом комплексе Маслин обращает на себя внимание значительный процент лепной посуды. По количеству фрагментов это самая многочисленная после амфор группа керамики, превосходящая в этом отношении все остальные группы, вместе взятые. Всего за 15 лет раскопок с площади около 4 тыс. кв. м добыто около 20 тыс. фрагментов; целых или поддающихся реконструкции форм насчитывается около 100. Содержание фрагментов лепной керамики в культурном слое Маслин колеблется в пределах 25-30%. Не исключено, что удельный вес лепной посуды в хозяйственной жизни населения был выше этого показателя*. В любом случае лепная керамика на Маслинах — одна из наиболее многочисленных категорий керамического материала. Она представлена простыми традиционными формами — горшками, мисками, кастрюлями, сковородами, кружками, но преобладают среди названных горшки (до 70% всех фрагментов). Около 40% горшков орнаментированы. Наиболее типичные виды орнамента: ямочно-пальцевые вдавления, нередко с отпечатком ногтя; косая (реже прямая) нарезка по краю венчика, выполненная палочкой или ножом. По основным формам и орнаментации лепная керамика Маслин близка к типам скифской керамики степного Крыма [9, с. 250, рис. 1].

Тем не менее, при попытке объяснить ее присутствие в керамическом комплексе Маслин мы не склонны видеть в этом показатель скифского этнического компонента в составе греческого в своей основе населения. Объяснение этому уместнее, как нам представляется, искать в экономических возможностях поселения.

Раскопки показали, что Маслины — небольшое по размерам поселение. Его площадь с учетом реконструкции ныне затопленной морем части составляет 1,5 га, где могло одновременно проживать примерно до 200 семей, то есть трудовые ресурсы поселения были невелики. Будучи самым крайним населенным пунктом на северной окраине херсонесской хоры, Маслины были значительно удалены от Херсонеса (более 200 км), не говоря уже о прочих центрах керамического производства.

В этих условиях население небольшого земледельческого поселения было вынуждено удовлетворять свои потребности в столовой и хозяйственной посуде не только за счет торгового обмена, но и за счет собственного производства керамики. Остатки такого производства обнаружены в ходе раскопок восточной части поселения, где имеется и хорошая сырьевая база — выходы мощного пласта четвертичных глин прямо на уровень древней дневной поверхности.

С остатками производства, носившего домашний характер, уместно связать большое помещение, глубоко (на 1,6 м) врезанное в материковый грунт, с очагом, находками бесформенных кусочков лепного теста, большого скопления на полу глиняной массы-замеса; расположенные рядом с помещением глинобитные «столики» могли использоваться для формовки сосудов, а три ряда полок в самом помещении — для их просушки.

К тому, что этим производством могли заниматься и греки, помимо сказанного выше, добавим следующие соображения. Во-первых, простота и традиционность наиболее распространенных на Маслинах форм (горшков, мисок), их функциональная целесообразность делает их универсальными, в известной мере на знающими границ — этнических, территориальных, хронологических. Во-вторых, ряд лепных форм, бытовавших на Маслинах, явно подражает гончарным изделиям греческого образца — это миска с одной ручкой, кастрюля с закраиной для упора крышки, раздутым шаровидным туловом, плавно переходящим к плоскому дну. Эти типы

* Вывод о преобладании амфор, отмечаемый практически на всех античных поселениях, делается обычно на основе сравнения общего числа фрагментов по каждой группе керамики. Между тем, такое сопоставление дает искаженное представление об удельном весе той или иной группы керамики, поскольку амфора, превосходящая по своим размерам все остальные виды посуды, кроме пифоса, не может не доминировать в керамическом лозе.

лепной керамики возникли и изготовлялись под влиянием гончарных образцов, широко представленных в материалах всех античных городов и поселений Северного Причерноморья, в том числе и на Маслинах.

Таким образом, большой процент лепной посуды в культурном слое Маслин отражает, как нам представляется, ограниченность экономических возможностей небольшого и наиболее удаленного поселения херсонесской хоры и не противоречит ранее высказанному положению о греческом характере основной массы населения Маслин.

Среди массовых серий лепной керамики «скифоидного» облика на Маслинах выделяется группа керамики кизил-кобинского типа — с врезным геометрическим орнаментом в виде линий, треугольников, заполненных расчесами, вдавлениями, выполненными зубчатым штампом или гребенкой; поверхность некоторых сосудов имеет лощение (рис. 1, 2). Эта керамика настолько специфична, что в приемах ее изготовления и орнаментации исследователи вполне оправданно усматривают отражение устойчивых традиций, сложившихся в определенном этносе.

На Маслинах эта группа керамики в количественном отношении невелика и находится в крайне фрагментарном состоянии; ни одной целой формы собрать не удалось, но, судя по профилированным фрагментам, они принадлежат сосудам с ручками типа кувшинов, горшкам, в том числе большим — типа корчаг. И хотя процент этой керамики на Маслинах невелик, ежегодные ее находки в культурном слое на протяжении 15 лет раскопок нельзя считать случайностью и игнорировать при решении вопроса об этническом составе населения Маслин.

Исследователи давно обратили внимание на эту выразительную по своему оформлению, орнаментации, качеству исполнения группу керамики. Относительно ее этнической интерпретации высказано много различных точек зрения [10-15]. Суммируя результаты дискуссий по этому вопросу, отметим, что по месту наибольшей концентрации кизил-кобинской керамики в районах горного Крыма большинство исследователей связывает ее с таврами, которые, согласно древним авторам [Herod., IV, 99, 2-3; Ps.-Scyl., 831; Strab., VII, 4, 2-4], жили в горном Крыму. При некотором диапазоне мнений относительно происхождения кизил-кобинской керамики, ее периодизации, локальных и хронологических вариантов, принадлежность этой керамики таврам не отрицается большинством исследователей [11; 12; 14, с. 62-63; 16]. Из этой посылки исходим и мы. Наличие кизил-кобинской керамики в керамическом комплексе Маслин мы рассматриваем как присутствие тавров (пусть и в незначительном количестве) в составе населения Маслин.

Относительно путей проникновения тавров на северную окраину херсонесской хоры хотелось бы высказать некоторые соображения, которые должны учитываться при решении поставленного вопроса.

Найденная на Маслинах кизил-кобинская керамика, датируется временем жизни поселения: концом IV— серединой II вв. до н. э. Это означает, что ее появление здесь не могло предшествовать херсонесской колонизации, значит, тавры попадают в этот район скорее всего вместе с потоком переселенцев из Херсонеса. При аргументации данного положения важно принять во внимание и то, что Херсонес возник в области расселения тавров, в «таврической земле», по выражению Псевдо-Скилака [Ps.-Scyl., 68].

Свидетельства нарративных источников подтверждаются и археологическим материалом, находками в культурном слое херсонесского городища кизил-кобинской керамики [14, с. 74], амфорных клейм Херсонеса с легендой ΤΑΥΡΙΚΟΝ, то есть присутствие какого-то количества тавров в составе дорийского полиса отрицать не приходится.

Если обратиться к более широкому кругу археологических памятников, этнический фон, на котором начиналась жизнь Херсонеса, вырисовывается еще более отчетливо и определенно. Так, в ходе раскопок на Гераклеяском полуострове и в

прилегающих к нему районах Юго-Западного Крыма открыты поселения с керамикой кизил-кобинского типа, предшествовавшие по времени возникновению Херсонеса [17, с. 212; 18, с. 167-170]. После основания Херсонеса кизил-кобинские поселения на Гераклейском полуострове прекращают свое существование [14, с. 74; 17, с. 215]. Связь между их гибелью и основанием дорийского полиса вполне очевидна. Показательно в этом отношении и то, что за пределами размежеванных участков на Гераклейском полуострове продолжали существовать поселения, керамический комплекс которых включал керамику кизил-кобинского типа [18, с. 172 и сл.; 19, с. 92-95].

Таким образом, есть основания заключить, что возникновение Херсонеса существенно повлияло на условия жизни тавров в Юго-Западном Крыму. Исчезли перспективы для их самостоятельного развития, сохранения традиционного уклада жизни. Вряд ли стоит сомневаться в том, что территориальная экспансия Херсонеса сопровождалась уничтожением, вытеснением местного населения, при этом какая-то его часть была подчинена [1, с. 174], а какая-то часть тавров могла оказаться в составе переселенцев при освоении Херсонесом северо-западного побережья Крыма [1, с. 173; 20, с. 148, 154]. Именно с этих позиций мы склонны объяснить присутствие кизил-кобинской керамики на северной окраине херсонесской хоры — в керамическом комплексе Маслин. С высказанным предположением вполне согласуются и факты находок аналогичной керамики на других поселениях херсонесской хоры [1, с. 173; 4, с. 23; 21, с. 205-210].

Более гипотетичным представляется решение вопроса о статусе тавров в составе населения херсонесской хоры. Можно предполагать (как наиболее вероятное) их зависимое положение в земледельческой общине греков-колонистов, но степень этой зависимости, ее формы в каждом отдельном случае определялись конкретными условиями и могли быть различными. По крайней мере на Маслинах ввиду явной малочисленности тавров социальная дифференциация в общине вряд ли могла проходить по линии греки — тавры. В условиях нелегкого земледельческого труда и быта здесь жила вся основная масса поселенцев, включая и греков. Тавры, будучи малочисленными, безусловно, не составляли здесь самостоятельно организованного этноса. Они должны были воспринять основные формы хозяйства и быта греческого населения. В то же время, учитывая, что основная масса кизил-кобинской керамики на Маслинах происходит с территории укрепленной части поселения, где сосредоточены комплексы башен с наиболее высоким уровнем материального достатка своих обитателей (чернолаковая посуда, украшения, терракота, монеты), можно предположить, что тавры как раз и обслуживали их быт. Хотя присутствие тавров на Маслинах не затронуло основных форм жизни греческого населения, тем не менее, оно оказало воздействие на отдельные стороны быта греческих переселенцев: они восприняли лучшие образцы чуждой им культуры, используя в своем быту выразительные, неординарные по технике исполнения

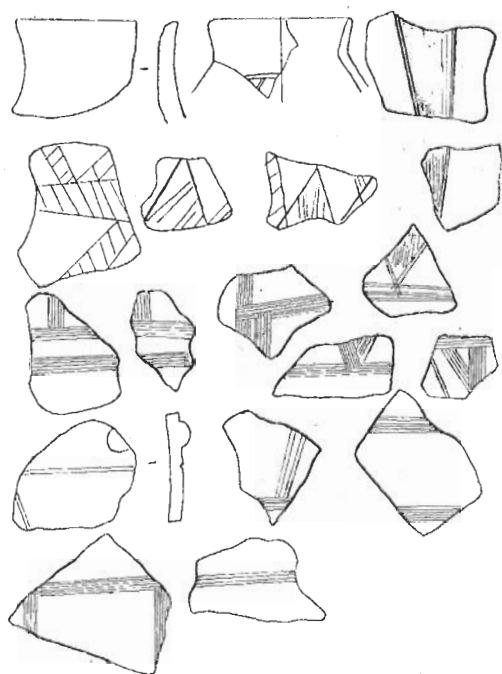

Рис. 1. Керамика кизил-кобинского типа из раскопок поселения херсонесской хоры Маслины (конец IV — середина II вв. до н. э.)

и оформления сосуда. В этом качестве керамика древнейшего автохтонного населения Крыма была жива, судя по материалам поселения Маслины, еще во II в. до н. э.

Подводя общий итог анализу археологических материалов, происходящих с северной окраины херсонесской хоры, следует отметить, что наиболее значительные этносы в Крыму, такие, как греки и скифы, судя по материалам Маслин, не столько взаимодействовали, сколько сосуществовали, развиваясь скорее параллельно и независимо друг от друга. Северная хора Херсонеса, где проходила граница между греками и варварами, не стала зоной контактов между этими двумя мирами. Контакты на территории херсонесской хоры, включая и северную ее окраину, были ограничены рамками Херсонесского государства и развивались главным образом по линии полис — хора. Несмотря на экономическую эффективность и взаимовыгодность этих связей, последние оказались недолговечными. К середине II в. до н. э. погибают практически все поселения херсонесской хоры в Северо-Западном Крыму, Херсонес навсегда теряет эти земли. Главная причина столь трагической для греков развязки — их отказ от контактов с основным этническим массивом в Крыму скифами, стремление отгородиться от этого мира стенами и башнями при отсутствии у Херсонеса с его хрупкими полисными структурами достаточно эффективных средств для обеспечения собственной власти над столь удаленными территориями.

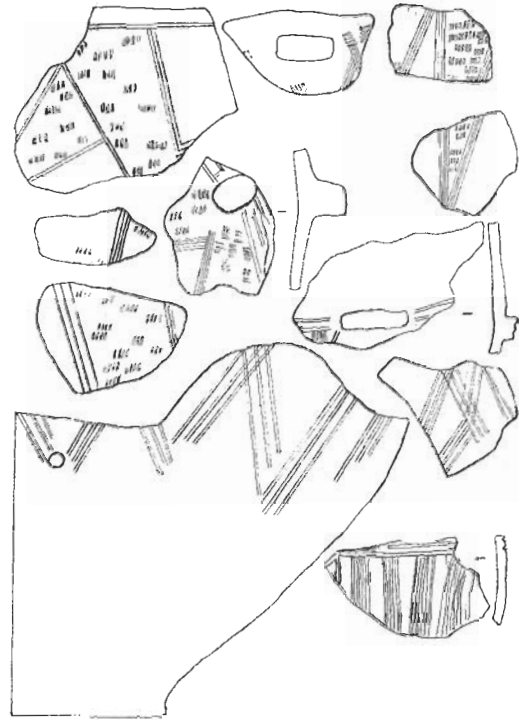

Рис. 2. Керамика кизил-кобинского типа из раскопок поселения Маслины

ЛИТЕРАТУРА

1. Щеглов А. Н. Процесс и характер экспансии Херсонеса в IV в. до н. э. // Античная гражданская община: Межвуз. сб.— Л., 1986.
2. Латышева В. А. Некоторые итоги раскопок поселения Маслины в Северо-Западном Крыму // Вестн. Харьк. ун-та.— 1985.— № 268.
3. Латышева В. А. Северная хора Херсонеса // Проблемы античной культуры: Тез. докл. Крымск. научн. конф.— Симферополь, 1988.— Ч. 3.
4. Коваленко С. А. Античное сельскохозяйственное поселение возле села Песчаное // Памятники железного века в окрестностях Евпатории.— М., 1991.
5. Кругликова И. Т. Сельские усадьбы херсонеситов в эллинистический период // Проблемы античной истории и классической филологии: Тез. докл.— Харьков, 1980.
6. Стржелецкий С. Ф. Клеры Херсонеса Таврического // X. Сб.— Симферополь, 1961.— Вып. 6.
7. Латышева В. А. Амфорный комплекс поселения херсонесской хоры Маслины // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса (1888–1988): Тез. докл.— Севастополь, 1988.
8. Латышева В. А. Терракота из раскопок поселения херсонесской хоры Маслины // Древности: Харьк. историко-археолог. ежегодник.— 1994.

9. Дашевская О. Д. Лепная керамика Неаполя и других скифских городищ Крыма // МИА.— 1958.— № 64.
10. Крис Х. И. О таврах и кизил-кобинской культуре // ВДИ.— 1971.— № 4.
11. Крис Х. И. Кизил-кобинская культура и тавры.— М., 1981.
12. Лесков А. М. Горный Крым в I тысячелетии до н. э.— Киев, 1965.
13. Ольховский В. С. О населении Крыма в скифское время // СА.— 1982.— № 4.
14. Щеглов А. Н. Тавры в VII — первой половине IV вв. до н. э. и греко-таврыские взаимоотношения // Местные этно-политические объединения Причерноморья в VII-IV вв. до н. э.— Тбилиси, 1988.
15. Щепинський А. А. Населення південного берега Криму в епоху раннього заліза // Археологія.— 1977.— № 21.
16. Колотухин В. А. К вопросу о таврской и кизил-кобинской культуре // СА.— 1985.— № 2.
17. Щеглов А. Н. Тавры и греческие колонии в Таврике // Демографическая ситуация в Причерноморье в период великой греческой колонизации.— Тбилиси, 1981.
18. Савеля О. Я. О греко-варварских взаимоотношениях в Юго-Западном Крыму // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья.— Тбилиси, 1979.
19. Савеля О. Я. Таврское поселение в районе Бельбека // Херсонес Таврический. Ремесло и культура.— Киев, 1974.
20. Щеглов А. Н. О населении Северо-Западного Крыма в античную эпоху // ВДИ.— 1966.— № 4.
21. Дашевская О. Д. О таврской керамике с гребенчатым орнаментом // СА.— 1963.— № 4.

Summary

The main population of Maslini consisted of the migrants from Chersonesus, their descendants, i. e. the greeks (70% of ceramic material - the production of Chersonesus workshops, big serieses of the black-glaze pottery, the coins of Chersonesus chasing, terracota of Tanagra type etc.).

A high specific gravity of the Maslini model pottery (to 30%), similar to the skiff forms, is not the indicator of other ethnic. Simple and traditional forms of the model pots and bowls could be made by the greek settlers. On the territory of the small settlement distant from Chersonesus they had to satisfy their household needs not only at the expense of the trade exchange but of their own making the remains of that were found on Maslini a well.

Exit ence of the kizil-koba ceramic with the specific methods of ornamentation in the Maslini ceramic complex we consider as the presence of taurus (even small quantity) in the structure of the Maslini population. They appeared here together with the stream of the Chersonesus settlers. They were dependent serving the domestic life of the rich greek colonists.